

ГОВОРИТЬ ЛЮДЯМ ПРАВДУ

АВТОРУ девиза этого — 75 лет. Михаил Шолохов... Какое тихое по огласке имя — как шелест травы, шуршание бессмертника, вздох ночной степи... И как гремит оно в мире, какая волна славы подняла великого мастера и бойца, пронесла слово его через все страницы!

Шолохов легендарен. В последние два десятилетия он воспринимается не только как гениальный художник, но и как духовный вождь литературы, знаменосец нашего гуманизма.

К великому Тихому Дону,
К степям, где белы ковыли,
Приходят с глубоким поклоном
Писатели нашей земли.
Наш флаг — победительный,
Горячие знамя атак
Несет человек небывалый,
Донской работяга-казак.

И такое понимание «литература» Шолохова — отнюдь не «земляческий патриотизм» поэта Олега Алексеева. Роль Шолохова в современной литературе огромна. Лауреат Государственных и Ленинской премий, коммунист, признанный миром классик социалистического реализма, он служит своим пером миру, социализму, благу человечества.

15 лет назад всемирная слава Шолохова была, так сказать, всемирно «узаконена» — ему присудили Нобелевскую премию. Иностраный корреспондент передал из Стокгольма: «Король, который ростом более чем на голову выше этого седого казака, кивнул в знак приветствия головой и обратился к нему по-английски. 60-летний русский — член Верховного Совета и преданный коммунист — стоял, не шелохнувшись, смотря королю прямо в глаза, и не сделал никакого поклона...»

Казаки не кланяются. Они никогда не делали этого и перед парями». Что же, отношение художника коммуниста к королям (вспомним Нагульнова извучавшего чужой язык по крайней надобности!) — это свидетельство, видимо, отражает. Конечно, для него естественнее поклониться родному народу, что и сделал Шолохов в речи своей в Стокгольме. Однако неверно было бы видеть в описанной сцене некоммуникабельность нашего писателя. У Шолохова давние и прочные связи с зарубежным миром. В начале 60-х ему пришлось «склонить колени» в Англии — перед наукой, традицией, законом: здесь он получил диплом почетного доктора права. Вторым из русских писателей — после И. С. Тургенева — надел он почетную магниту. В разных странах мира бывал Шолохов как посол советской литературы, культуры. «Писателя-казака» принимали многие столицы Европы, посещал он Индию и США.

Правда, темой творческой эти контакты не стали.

Великие романы Шолохова «Тихий Дон», «Поднятая целина», знаменитые рассказы, писателя посвященные родному народу и прицелены им в сердце навсегда. Близки и родственны они миллионам читателей всех стран. Особой тайны популярности произведений Шолохова нет. Они просты, захватывают сюжетной напряженностью, высокоинтересны, написаны гуманистом, знатоком человеческого сердца и речи народной. Интересно, что Шолохов, давая свое «рабочее» определение социалистического реализма, говорил: «Социалистический реализм есть то, что за власть Советов и что написано простым, понятным народу художественным языком».

Замечательно и то, что при этой «всемирной доступности» писателя произведения Шолохова не обрели хрестоматийного глянца, не исчерпаны толкованиями, вот уже нескольких поколений. Так, «Тихий Дон» обнаруживает во времени неисчерпаемые поистине глубины. Сложность мучающих художника проблем, живые герои, страдающие и счастливые, — живут на прекрасной земле! — позволяют понимать их по-разному. Прав Г. Коновалов когда пишет: «Тихий Дон» — наиболее глубокого произведения о революции, пожалуй,

смущающее кое-кого до сих пор вольностью слова, правдой жизни, бесстрашием». По-разному трактуют образ Григория Мелехова. «Для одних он всю жизнь колеблется. Для других — он центр, и все колеблется возле него... Прення длятся столетия».

Главным в них, этих «пренях», можно считать то, что все концепции героя Шолохова в советском литературоведении, — включая и спорную, с нашей точки зрения, — несколько агонизтизирующую Мелехова, его иступленное правдонскательство и этическое бескомпромиссность, — все они признают великую правдивость Шолохова, силу его изображения революции, понимание спасительной роли ее в жизни народа. И все видят стремление Шолохова выразить «очарование человека», великую любовь к нему.

Властно и сразу призола к себе внимание читателей «Поднятая целина». Отклик, который вызвала ее первая книга у народа, крестьянина, прежде всего беспримечен.

За 30 лет книга осталась в миллионах сердец, усилил в них любовь к людям земли, вожакам их — сельским коммунистам, изображенным с великой любовью и пронизательностью. Книга стала всемирно известным фактом советской гражданской истории, социалистической культуры, программой действий для миллионов тружеников мира... И четверть века читатели ждали продолжения встреч с героями. Шолохов, казалось, не торопился...

В годы Великой Отечественной Шолохов, фронтовой корреспондент, потрясенный несчастьем страны, горем миллионов людей, гибелью своей матери, выбрал самый оперативный вид оружия слова — публицистику. Вспомним, как в первую годовщину войны — 22 июня 1942 г. — со страниц «Правды» прогремела знаменитая его статья «Наука ненависти». Гуманист Шолохов учился и учил этой науке народ... Сегодня стоит подчеркнуть замечательную особенность этой работы. При всей ярости к врагу писатель не абсолютизировал ненависти. Знаменитый герой его — лейтенант Герасимов «замысловато» говорил о «производительности» ненависти, о любви как основе чувств воюющих: «Если любовь к Родине хранится у нас в сердцах и будет храниться до тех пор, пока эти сердца бьются, то ненависть всегда мы носим на кончиках штыков». Эта программа реализовалась и в главах нового романа «Они сражались за Родину». Роман еще в работе. Опубликованные главы засвидетельствовали великую любовь к человеку труда на войне, героизм народа-солдата, социалистическую сплоченность нашего общества. И еще: они подтвердили неповторимое своеобразие, «непредсказуемость» эстетических решений Шолохова, прихотливость поэтической логики и, как когда-то заметил А. Фадеев, «чудовищную жизненность» изображаемых картин.

Однако конца изображения не было. Видимо, сердце писателя «осаждали» оставленные герои «Поднятой целины». И вот опаленный войной художник вновь с ними.

С жадностью и не без тревоги ждали мы, миллионы читателей, публикаций. Что будет с героями? Как войдут в наше время, живут ли в нем? Будет ли чудо?

— Случилось! По словам французского критика, свершился «двойной парадокс». На основе злободневных материалов Шолохов написал роман, сумев подняться над массой фактического материала. А 30 лет спустя он сумел передать кипение жизни более близко, чем в тот момент, когда оно происходило».

Читатели встретились с цельным творением, безусловно единым — по замыслу, развитию действия, сюжетной логике. Историческая конкретность и живость изображения были пленительными. И вновь, как и в «Тихом Доне», обнаружилось неожиданное

«ресурсы» своеобразия героев, непредсказуемость их изменений, чуждость их душ и действий... Родные (для читателей со стажем) Нагульнов, Давыдов, Разметнов, Щукарь — да все почти герои — раскрылись по-новому. В духе наших дней и без ущерба для правдивости характеров героев возросла мера их духовности, ярче проявилось теперь влияние коллектива на личность. Как-то раскованнее стал раскрываться внутренний мир руководителей — в чувствах, раздумьях, поступках... Усилились драматизм, трагические ноты. Некоторых читателей это огорчило. Что ж, стоит вспомнить слова Шолохова об окончании «Тихого Дона»: «Кому-то хотелось потрафить, кому-то угодить... Но матушка-правда не велит»...

Замечательным образцом социалистического гуманизма Шолохова стал его рассказ «Судьба человека». Органически связанный с творчеством военного времени — с «Наукой ненависти» прежде всего, рассказ также говорит о страданиях и потерях советских людей в дни войны, о крушении надежд, семей. У многих и после войны горе испепеляюще жестоко, потери невосполнимы. Шолохов суров и честен в изображении душевных страданий человека. Он не торопится с благостным утверждением «так и будет!» — в смысле «все хорошо будет»... Он знает, что будет тяжело — душевные раны заживают не скоро... Но знает также, как можно и нужно выжить даже «искаженному судьбой» человеку Андрею Соколову. Можно найти смысл жизни в самоотдаче, в помощи более слабому — в доброту, спасении ребенка, облегчении его судьбы.

Шолохову удалось показать величие и достоинство советского человека, героизм в страшных условиях, чистоту помыслов, неподсудность его несчастью — плена. Перед читателем встал герой, гордо смотревший в лицо смерти, карающий предательство, сохраняющий силу воли, инициативу. И что самое удивительное — россыпь нежности и доброты, внимания к ребенку, отцом которого мужчина объявил себя и стал им.

В 60-е — 70-е годы рост популярности Шолохова в мире, в советском обществе прежде всего проявлен множеством фактов: растущими тиражами его произведений, бесчисленными работами о нем, дискуссиями литературоведов и писателей... И это связано не только с великой индивидуальностью художника слова, но и со своеобразием нового этапа советской многонациональной литературы. Рост в ней личностного начала, аналитических тенденций, углубление психологизма, внимание к трагическому началу — заметные признаки ее новизны. А ведь все отмеченное — ярчайшие особенности прозы Шолохова. Она стала школой не только для историко-аналитического течения современной русской литературы, но для всех, кажется, настоящих писателей всех наций.

Значение этой «школы» огромно.

Интересно свидетельство Чингиза Айтматова, отмечавшего особое значение «горького и великого» слова Шолохова. «Молодые литературы XIX—XX веков переживали период инфантильной описательщины. Отрезвляющее перо Шолохова оказало на молодые литературы ошеломляющее и отрезвляющее воздействие. Под этим воздействием установился процесс расставания с инфантильностью и вступления литератур в полосу зрелого реалистического письма».

Много сказано о влиянии Шолохова на литературу и писателей Узбекистана. «Славе покоиться подобает на лепестках цветов», — сказал Уйгул. Подобная слава, на любви основанная, — верный спутник Шолохова.

Н. МАЛАХОВ.